

**«САКСЫ» В НОВОМ СВЕТЕ:
АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ
В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII В.**

© 2017 М. А. Филимонова

*ведущий научный сотрудник Центра изучения США, докт. ист. наук
e-mail: mar-filimonova@yandex.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена анализу исторической мифологии в США в период становления американской государственности. Особое внимание уделено влиянию британской просвещенческой историографии на американское общественное сознание. Выделены ключевые точки английской истории, и проанализировано их восприятие американцами.

Ключевые слова: история ментальности, история США, просвещенческая историография, XVIII век

В 1760-х – 1770-х гг. в американских колониях Англии шел процесс разрушения общебританской идентичности и формирования новой. В подобные переходные эпохи закономерным образом активизируется историческая мифология. Современные историки философии подчеркивают, что люди эпохи Просвещения осознавали исключительность своего времени и своей ситуации [Дьяков 2014; о влиянии Просвещения на американскую ментальность см.: Алентьева 2007]. Это действительно было так, но не исключало опоры на исторический опыт. Частью образов прошлого в американском общественном сознании оставались образы английской истории. Ключевые моменты, выделяемые американцами из английского прошлого, – это англосаксонский период, норманнское завоевание, принятие Великой хартии вольностей, две революции XVII в. На американцев заметно повлияла британская просвещенческая историография, прежде всего такие ее представители, как Дэвид Юм (1711–1776) и Кэтрин Маколей (1731–1791). Трактровка Великой хартии и других конституционных документов Великобритании была заимствована американцами из влиятельных юридических комментариев Э. Коука.

В числе прочих исторических мифов прослеживается в американском историческом сознании «саксонский миф». Он формулировался примерно следующим образом: англосаксы до прихода Вильгельма Завоевателя были свободным народом. Ими управлял витенагемот, состоящий из племенных вождей, их короли были выборными. А также саксы не знали феодальной системы. В XIII в. англосаксонское наследие привело к принятию Великой хартии. Своеобразным наследником витенагемота стал парламент. Вырисовывалась простая и четкая историческая схема: свободолюбивые саксы против норманнских тиранов.

«Саксонский миф» к XVIII в. довольно прочно укоренился в английской историографии. Это легко проследить на примере популярных в Америке работ Кэтрин Маколей. Историк считала отправной точкой в развитии британской истории древний англосаксонский период, когда были заложены основы конституционного устройства страны. В то время было создано истинно представительное демократическое правление, а также парламент (витенагемот). Парламент в дискурсе историка XVIII в. возник не случайно. Для просвещенческой исторической традиции характерно использование терминов, которые не являлись аутентичными, но были знакомы

авторам и читателям. Англосаксонские реалии модернизировались, а значит, модернизировалось представление о самих англосаксах. Кэтрин Маколей, как и ее американские читатели, не осознавала сущностного различия между парламентом XVIII в. и раннесредневековыми институтами типа витенагемота. Как писала Маколей, трагическую роль в истории страны сыграло норманнское вторжение. Оно «нанесло роковой удар по расширенной системе Свободы, введенной в употребление англосаксами», и внесло «засорение в англосаксонскую конституцию» [Macauley 1763–1783: vol. 2: 1]. Норманны уничтожили или ослабили действие демократических институтов, усилили королевскую власть и поставили на место обычного права феодальный закон. В дальнейшем Реформация, соединив в одном лице политическую и церковную власть, создала предпосылки для установления деспотического режима. И со времен Генриха VIII страна неуклонно двигалась к рабству и общественному краху. Однако борьба за восстановление нарушенных прав и свобод народа не прекращалась. Она достигла своей кульминации в середине XVII в., когда в результате десятилетней гражданской войны английский народ «полностью подчинил деспотическое семейство Стюартов и сверг тиранию, учрежденную норманнским захватчиком» [Macauley 1763–1783: vol. 6: 71].

Взгляды Маколей в данном случае слабо опирались на исторические факты. «Саксонский миф» представлял мифологизированную картину истории Англии. Именно с ним английские радикалы связывали представление о «древней конституции» своей страны, которую уничтожил Вильгельм Завоеватель.

Для американцев «саксонский миф» был привлекателен по ряду причин. «Древняя конституция» в силу своей крайней неопределенности легко могла быть применена к американской ситуации и поддавалась различным толкованиям гораздо легче, чем, например, Великая хартия. Представление о героической борьбе за свободу против чужеземных захватчиков не могло не вызвать сочувствия американских патриотов, ведь они и сами воспринимали себя как наследников бывших героев Британии. Американцы легко могли применить повествование о норманнском иге к собственной ситуации. Король Георг III тоже был иностранцем, как и Вильгельм. Наконец, около 60% белого населения будущих США составляли в это время выходцы с Британских островов [McDonald 1980]. Они совершенно естественным образом ассоциировали себя со «своими саксонскими предками». Не случайно в современных США «саксонский миф» прочно увязывается с нативизмом. Отчасти так было и в XVIII в.

Массачусетский патриот Дж. Куинси взывал одновременно к теням англосаксов и «отцов-пилигримов»: «Если бы кровь древних британцев наполняла наши вены, если бы дух наших прародителей жил в нашей груди, разве мы колебались бы хоть мгновение, прежде чем предпочесть смерть жалкому существованию в рабстве?» [Memoir: 21]. Джефферсон рекомендовал включить англосаксонский язык в программу преподавания Университета Виргинии, а на гербе США предлагал изобразить ютских вождей Хенгиста и Хорсу, «к которым мы имеем честь возводить свой род» [Journals: vol. 5: 690]. Он же включил «саксонский миф» в свой «Общий обзор прав Британской Америки». В этой работе он также говорил о «саксонских предках», общих для англичан и американцев, и об учрежденной саксами в Британии «системе законов, которая так долго была славой и защитой этой страны» [Американские просветители: т. 2: 8].

Общее представление об англосаксонском периоде британской истории и о «древней конституции» американцы полностью позаимствовали у английских радикалов. Так, Дж. Адамс, подобно К. Маколей, писал о конституции Британии, существовавшей со времен «неизмеримой древности». Он же утверждал, что Палата общин (витенагемот? – М.Ф.) и суд присяжных были частью английского законодательства еще во времена саксов [Adams 1977–2004: vol. 1: 164–170].

Джефферсон подчеркивал, что «правильный источник происхождения английского государства – англосаксонский» [Американские просветители: т. 2: 140]. Историк и драматург Мерси Уоррен перечисляла основные принципы свободного правления: разделение властей, суд присяжных, неприкосновенность личной свободы и частной собственности. И подытоживала: «Таковы были права человека, привилегии англичан и требования американцев, таковы были принципы саксонских предков Британской империи» [Warren 1805: vol. 3: 306]. Просвещение не было привержено принципу историзма, и Уоррен не замечала, как нелепо ассоциировать просвещенческие принципы конституционализма с ранним средневековьем.

Нетрудно заметить, что американцы рассматривали «древнюю конституцию» англосаксов не как нечто специфически британское, а как часть своего общего с англичанами наследия. Так, преподобный С. Купер в своей проповеди говорил о том, как основатели Массачусетса принесли с собой из Англии «обширную хартию свободы» [We the People: xxiv], имея в виду, похоже, неписаную английскую конституцию. Более того, американские патриоты доказывали, что их собственное законодательство ближе к идеальному образу саксонских вольностей, чем английское, искаженное норманнским завоеванием. Так, У. Пирс, делегат Континентального конгресса от Джорджии, с гордостью отмечал, что Америка не знала ни «норманнских судебных поединков, ни великих лордов, восседавших на головах многочисленных держателей-тенантов» [Letters: vol. 24: 448]. Джефферсон также обращал внимание на то, что в Америке (как и у саксов) отсутствовали феодальные отношения. Он приходил к выводу: «Америка не завоевывалась Вильгельмом Норманским, и ее земли не подчинялись ни ему, ни кому-либо из его преемников. Несомненно, все владения носят аллодиальный характер» [Американские просветители: т. 2: 23]. (Под аллодом Джефферсон имел в виду современную ему частную собственность на землю, а не феодальную собственность без всякой подати, с безусловным правом отчуждения.)

Следующим этапом развития английского конституционализма, на который американские виги обращали особое внимание, была Великая хартия вольностей. Этот документ по праву считается краеугольным камнем британского конституционализма. В 2015 г. англоязычный мир торжественно отметил его 800-летие. В XVIII в. Великая хартия ценилась в Англии столь же высоко. С точки зрения философа и историка Д. Юма, Великая хартия «обладала незыблемым авторитетом и во все времена рассматривалась как священный и нерушимый договор между королем и народом» [Юм 2001–2002: т. 1: 161–162]. Юрист Эдуард Коук в своих «Установлениях законов Англии» считал, что к Великой хартии восходят «все фундаментальные законы королевства». С его точки зрения, она восстанавливала «старинную конституцию» англосаксонских времен, нарушенную норманнскими королями [Coke 2003: vol. 2: 697].

Американцы, в свою очередь, еще со времен основания колоний охотно прибегали к авторитету Великой хартии. Еще в XVII в. понятие «Великая хартия» прилагалось к самым разным колониальным законодательным актам (начиная с инструкций Виргинской компании губернатору Джорджу Ярдли в 1618 г.). Нью-йоркская Хартия вольностей 1683 г. включала Великую хартию, Петицию о праве и Habeas Corpus Act. Но на документ было наложено королевское вето. Порой доходило до курьеза. В середине XVIII в. в Виргинии был принят закон, запрещающий давать юридические консультации за гонорар. Губернатор и колониальный совет закон не одобрили, но пообещали его поддержать, если он согласуется с Великой хартией [Magna Carta 1917: 196]. Сама по себе такая постановка вопроса, между прочим, показывает, как мало были знакомы виргинские власти со столь высоко ценимым документом. Специальный комитет изучил текст хартии и, разумеется, не нашел в нем ничего, что противоречило бы спорному закону.

Во время Американской революции упоминания о Великой хартии были делом обычным. Это не удивительно. Американцы (особенно на начальной стадии конфликта с метрополией) воспринимали себя как британцев. И, соответственно, отстаивали традиционные британские вольности, на которые, как они полагали, они имели все права. И вот «Boston Gazette» 17 августа 1767 г. напечатала на своей первой странице «Петицию о праве» 1628 г., а на следующей неделе опубликовала выдержки из Великой хартии. Печать штата Массачусетс, принятая в 1775 г., изображала патриота, держащего в руке все ту же Великую хартию. Т. Пейн советовал включить в будущую конституцию США Билль о правах, «соответственно тому, что в Англии называют Великой Хартией вольностей» [Пейн 1959: 46]. Массачусетский виг Дж. Отис ссылался на тот же документ как на авторитетное подтверждение прав колонистов [Otis: 92].

Но насколько Великая хартия повлияла в действительности на американский конституционализм? В современной историографии есть попытки доказать, что статьи Великой хартии оказали прямое влияние на американское законодательство [Астафьев 2009: 322]. Сходная точка зрения характерна и для американских историков [Howard 1968]. Но не случайно Петрушевский трактовал Великую хартию как «очень деловой документ, трактующий об очень конкретных фактах» [Петрушевский 1937: 140]. Ее положения в XVIII в., через пять с половиной веков после ее создания, уже не могли быть применены к новой ситуации, тем более на другом континенте, по крайней мере, в неизменном виде. Разумеется, не могли быть востребованы статьи, отражавшие конкретные претензии баронов к Иоанну Безземельному. Но и статьи общего характера не всегда оказывались нужны американским вигам.

Совершенно не использовалась, например, статья 1: «...чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями неприкосновенными»¹. Причина очевидна: американцы не были заинтересованы в поддержке англиканской церкви. В тех колониях, где она была государственной (Виргиния), шла борьба за отделение церкви от государства. Естественно, негодились американцам статьи, посвященные порядку наследования фьефов и бароний. Без употребления осталось и средневековое законодательство, относящееся к положению должников.

Зато статья 12 легла в основу американской предреволюционной идеологии. Но при сравнении ее текста с тем, что вчитывали в нее американцы, становится очевидным «зазор» между Великой хартией как текстом и как культурным конструктом. Статья 12 формулировалась следующим образом: «Ни щитовые деньги, ни пособие (auxilium) не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего (nisi per commune consilium regni nostri), если это не для выкупа нашего из плена и не для возведения и рыцари первородного сына нашего и не для выдачи первым браком замуж дочери нашей первородной; и для этого должно выдавать лишь умеренное пособие; подобным же образом надлежит поступать и относительно пособий с города Лондона». Король имел право требовать «щитовые деньги» с баронов по своему личному усмотрению, и Иоанн Безземельный широко этим правом пользовался. По замечанию Д.М. Петрушевского, «было вполне естественным со стороны баронов и это его право поставить под контроль феодального сейма из непосредственных его вассалов» [Петрушевский 1937: 135]. В условиях Америки все это не имело непосредственного применения. Статья была истолкована в совершенно новом духе.

При этом архаичные условия о выкупе короля из плена, возведении в рыцари его старшего сына и т.п. были просто проигнорированы. Понятие «общий совет

¹ Великая хартия здесь и далее цит. по: Петрушевский 1918: 111–127.

королевства», которое та же Великая хартия определяет как совет высшего духовенства и знати (ст. 14) было предельно расширено: американцы относили его как к английскому парламенту, так и к собственным колониальным ассамблеям. То, что говорилось о «щитовых деньгах», было распространено вообще на любые налоги. Таким образом рождалась универсальная формула «No taxation without representation», несомненно, восходящая к Великой хартии, но весьма далекая от ее конкретного содержания. Именно так – предельно расширяя и модернизируя средневековый текст – ссылались на Великую хартию Дж. Адамс и Дж. Отис [«Clarendon»; Otis: 92]. Адамс при этом хорошо знал оригинальный текст и свободно его цитировал. Отис же опирался на комментарии Коука. Но их трактовки рассматриваемой статьи при этом примечательным образом совпадали.

Любопытна также эволюция одной из самых известных статей хартии – ст. 39: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его [его пэров] и по закону страны». Эта статья относилась, собственно, к баронам: только они пользовались привилегией суда пэров [Гутнова 1960: 284]. Но в данном случае формулировка «свободные люди» позволяла легко расширить ее толкование, так что она стала обоснованием суда присяжных («приговор равных его»). Разумеется, и в этом случае были выброшены архаичные моменты: «мы не пойдем на него и не пошлем на него». Именно таким образом цитировал Великую хартию Дж. Адамс, обосновывая право американцев на суд присяжных [Adams 1850–1856: vol. 3: 467]. Итоговая трансформация текста ст. 39 включена в V поправку к конституции США: «Ни одно лицо не должно (...) лишаться жизни, свободы либо собственности без должной правовой процедуры»². Поправка VI гарантирует «приговор равных его» – суд присяжных, хотя формулировка совершенно отлична от Великой хартии.

Еще одной статье хартии американцы придали фундаментальное значение. «Отец американской юриспруденции» Дж. Уилсон во время дебатов Второго континентального конгресса заявлял: «В Великой хартии есть клаузула, которая дает народу право захватывать королевские замки и сопротивляться ему (королю. – М.Ф.) с оружием в руках, если он превышает свои полномочия» [Letters: vol. 3: 670]. Уилсон подразумевал ст. 61, в которой для контроля за соблюдением Великой хартии предусматривался совет из двадцати пяти баронов. Если бы король нарушил заключенный с баронами договор и не исправил нарушение в сорокадневный срок, то, как говорилось в документе, «те двадцать пять баронов совместно с общиной всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено [нарушение] согласно их решению; неприкосновенной остаются [при этом] наша личность и личность королевы нашей и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде». Снова можно проследить, как далеко американский виг отходил от оригинала. Вместо «двадцати пяти баронов» Уилсон подставлял «народ», нарушение конкретных условий конкретного документа заменял весьма широко понимаемыми «полномочиями» короля. Характерно, что он не упоминал о включенных в Великую хартию оговорках: ни о неприкосновенности королевской семьи, ни о необходимости восстановить прежнее повиновение монарху, «когда исправление будет сделано». Еще бы! Уилсон выступал в 1776 г., на повестке дня стоял вопрос о независимости США, и в Нью-

² Конституция США цит. по: Соединенные Штаты Америки.

Йорке уже отрубили голову пусть не самому Георгу III, но его статуе. О том, чтобы «повиноваться [королю], как делали прежде», и речи быть не могло. Расширенная и трансформированная, статья 61 становилась обоснованием права на восстание.

Из менее известных статей хартии можно упомянуть следующие. Ст. 20, возможно, повлияла на VIII поправку к конституции. В Великой хартии говорится: «Свободный человек будет штрафоваться за малый проступок только сообразно роду проступка, а за большой проступок будет штрафоваться сообразно важности проступка, причем должно оставаться неприкосновенным его основное имущество». Конституция США, в свою очередь, гарантирует: «Чрезмерные залоги не должны требоваться, чрезмерные штрафы не должны налагаться, и жестокие и необычные наказания не должны назначаться». Но и здесь содержание и формулировка модернизированы и расширены.

Ст. 36 («Ничего впредь не следует давать и брать за приказ о расследовании о жизни или членах, но он должен выдаваться даром и в нем не должно быть отказа»), по замечанию Петрушевского, напоминает о Habeas Corpus Act [Петрушевский 1937: 138]; в Америке он считался одним из краеугольных камней свободного правления. Его гарантия инкорпорирована в текст конституции 1787 г. (ст.1, разд.9). Habeas Corpus Act, как и приведенная статья Великой хартии, гарантирует арестованному скорый разбор дела.

Стоит признать, что конкретное содержание Великой хартии почти не использовалось в американской революционной пропаганде и не могло быть использовано. Применялись лишь отдельные статьи, при этом измененные почти до неузнаваемости. Из 63 статей Великой хартии так или иначе использовано менее десятка. В XVIII в. знакомство с текстом Великой хартии могло вызвать скорее разочарование. Именно такими были впечатления Вольтера, внимательно проанализировавшего ее статьи: «Эта великая Хартия, рассматриваемая как священный принцип английских свобод, сама позволяет понять, сколь мало тогда была знакома свобода» [Вольтер: 96]. Вольтер, читая Великую хартию, видел средневековый текст и стоящее за ним феодальное общество. Американские виги, цитируя тот же самый документ, ничего подобного не замечали. Перед их глазами стоял идеальный «палладиум английской свободы». Говоря о Великой хартии вольностей, американцы чаще всего имели в виду культурный конструкт, уже слабо связанный с реальным документом. Наиболее ярким примером может служить знаменитый лозунг «Никакого налогообложения без представительства». Еще чаще никакой отсылки к конкретному содержанию Великой хартии не было. Она просто упоминалась как образ традиционной английской свободы.

Положение американских пропагандистов облегчалось тем, что процесс поиска новых смыслов в Великой хартии уже был проведен в Англии, начиная с XVII в. «Петиция о праве» 1628 г. трактовала Великую хартию как документ, ограничивавший королевскую прерогативу в интересах народа (ст.3 Петиции о праве)³. В XVIII в. об этом писал Мабли: «Им (английским революционерам XVII в. – М.Ф.) никогда бы не удалось приподнять таинственный покров, скрывавший королевское величие, не удалось бы заставить полюбить свободу, если бы они сами не извлекли из архивной пыли ту Великую Хартию, которая была известна по одному только имени» [Мабли: 93]. «Петиция о праве» вычленила из Великой хартии содержание, сохранившее актуальность в XVII в. Во многом это были те же вопросы, которые волновали американских виков в следующем столетии: налогообложение без представительства,

³ Петиция о праве здесь и далее цит. по: Тексты: 10–15.

судебный произвол и т.п. Расширенные толкования Великой хартии, о которых говорилось выше, во многом восходят именно к «Петиции о праве»⁴.

В американском конституционализме легко проследить влияние «Петиции о праве». Например, ст. 6 Петиции касалась проблемы постоя солдат в частных домах. Для американцев перед Войной за независимость эта проблема приобрела особую актуальность. Акты о расквартировании солдат (Quartering Acts) принимались британскими властями дважды. В 1765 г. предлагал американцам расквартировывать английских солдат в казармах и тавернах, но поскольку таковых не хватало, то солдаты могли располагаться также в гостиницах, нежилых домах, амбарах. Платить за их постой и пропитание должна была ассамблея колонии Нью-Йорк, поскольку именно там располагалась штаб-квартира британских войск в Америке. Колониальная ассамблея отказалась платить, что вызвало серьезное столкновение с властями метрополии. Акт 1774 г. в дополнение к предыдущему позволял губернатору размещать солдат в частных домах, если иных помещений не хватало. Американцы числили это закон в числе «невыносимых актов». В конечном итоге соответствующее условие было вписано в III поправку к конституции США: «Ни один солдат не должен в мирное время размещаться на постой в каком-либо доме без согласия его владельца».

Тем не менее «Петиция о праве» не обладала в общественном сознании предреволюционной Америки таким же высоким престижем, как Великая хартия. Последняя обладала почтенным ореолом древности, была наделена статусом своеобразного «первотворения» еще в английской исторической мифологии. Именно в силу своей мифологизированности она могла цениться независимо от конкретного содержания. В документах XVII в., также легших в основу неписаной английской конституции, содержание ценилось куда выше, чем их идеальный образ. Это относится не только к «Петиции о праве», но и к Биллю о правах 1689 г. Он редко упоминался в полемике, зато его условия легко найти в американских конституционных документах. Именно к нему восходят такие условия американского Билля о правах, как право частных лиц на ношение оружия (поправка II), запрет чрезмерных залогов, штрафов, «жестоких и необычных» наказаний (поправка VIII). В Билле о правах 1689 г. также вновь подтверждается принцип «No taxation without representation» [Тексты: 15–24]. Но и здесь американцы прибегали к расширенному толкованию: там, где англичане имели в виду парламент, американцы подразумевали также колониальные ассамблеи. Все условия Билля о правах 1689 г., касавшиеся протестантского престолонаследия, оказались в США невостребованными.

В целом при оценке средневековой английской истории у американских вигов заметна характерная для мифологического сознания высокая оценка мифического «первотворения», в роли которого выступают «древняя конституция» англосаксов и Великая хартия вольностей. Конкретные особенности политического устройства англосаксонских королевств, как и реальное содержание Великой хартии, не имели значения. Американцы легко конструировали мифологизированное прошлое, соответствующее их собственной картине мира.

Мифологизация истории заметна не только в трактовке неписаной английской конституции, но и восприятии таких ключевых событий английской истории, как две революции XVII в. И в этом случае восприятие американцами событий английской истории в большой мере определялось уже устоявшейся в метрополии историографической традицией, прежде всего, работами К. Маколей и Д. Юма.

Сам Юм определял свою позицию следующим образом: «Мои взгляды относительно событий более благоприятны принципам вигов, а мое изображение лиц

⁴ Сопоставление «Петиции о праве» с Великой хартией см.: Барг 1991: 112–113.

более близко к предубеждениям тори» (цит. по: [Барг 1998: 242]). В то же время заметно влияние на него «Истории Великого мятежа» лорда Кларендона. Историки определяют его позицию по-разному. Л. Оки писал об умеренном антивигском роялизме Юма [Okie 1985: 61], в то время как ряд английских авторов, а также отечественные исследователи М.А. Барг и К.Д. Авдеева оценивали его взгляды как «скептический вигизм» [Forbes 1975: 233–240; Барг, Авдеева 1998: 243].

Д. Юм оценивал политику первых Стюартов как ошибочную и недальновидную. Он писал о Якове I: «Сознавая недостаток личной популярности и потому ревниво заботясь о привилегиях короны, он создал в своем уме отвлеченную теорию абсолютной монархии, которую, как он искренне полагал, лишь немногие из его подданных – исключительно изменники и бунтовщики – поколеблются с чистой совестью принять» [Юм: т. 1: 19]. Историк подчеркивал, что здесь Яков I следовал политическим курсом своей предшественницы. Но с елизаветинских времен ситуация в стране изменилась. Теория абсолютизма не соответствовала конституционным традициям Англии и натолкнулась на сопротивление парламента, который в этом конфликте отстаивал свободу. В то же время Юм отрицательно оценивает пуританизм. Он пишет об «угрюмом духе благочестия», фанатизме и нетерпимости пуритан, подчеркивает, что «религиозные идеи и стремления многих пуритан, если изложить их с ясностью, кажутся довольно-таки пустыми и нелепыми» [Юм: т. 1: 63, 85, 134]. Кромвель в его глазах – фанатик и лицемер [Юм: т. 1: 179, т. 2: 50–53]. Теории левеллеров носят анархический характер, а основным побудительным мотивом их действий было честолюбие [Юм: т. 1: 424]. Левеллерам приписывается стремление не только к политическому, но и к имущественному равенству. Историк нравоучительно замечает: «Даже те из республиканцев, кто не одобрял подобных крайностей и сумасбродств, были настолько опьянены представлением о своей праведности, что вообразили себя обладателями особых привилегий, и потому любого рода обещания, клятвы, обязательства и законы в значительной мере утратили над ними власть. Общественные узы повсюду ослабли, а порочные человеческие страсти поощрялись теперь теоретическими принципами, еще более порочными и пагубными для общества» [Юм: т. 2: 6]. Диггеры не упоминаются вообще⁵.

Совершенно иначе расценивается «Славная революция» и ее лидеры. Вильгельм Оранский – «достойный наследник династии героев», он ведет себя «так, как подобает главе храброго и свободного народа» [Юм: т. 2: 241]. Сама революция 1688 г. трактуется как разрешение конфликта между королем и парламентом, создавшее свободную и стабильную конституцию.

Известно, что воззрения Юма повлияли на «отцов-основателей». Разумеется, американские виги сходу отбрасывали простюартовские интерпретации Юма. Но вот его оценки лидеров Английской революции прочно вошли в историческую мифологию просвещенческой Америки.

Взгляды К. Маколей на Английскую революцию были откровенно полемичны по отношению к работам Юма. Период установления республики, с точки зрения Маколей, – вершина английской истории: «Анналы человечества не представляют другого правительства, столь недавно созданного и столь грозного для чужих стран» [Macaulay 1763–1783: vol. 5: 79]. Историк полностью оправдывает казнь Карла I, считая, что король, ставший тираном, теряет право на власть [Macaulay 1763–1783: vol. 4: 428]. В то же время она весьма критически настроена по отношению к Кромвелю. Протектор в ее глазах – «тщеславный узурпатор», который под маской простоты,

⁵ По мнению М.А. Барга и К.Д. Авдеевой, Юм просто не отличал диггеров от левеллеров [Барг, Авдеева 1998: 301].

скромности и умеренности обманул доверчивый народ [Macaulay 1763–1783: vol. 5: 129]. Зато она тщательно изучала сочинения левеллеров и считала «Народное соглашение» высшим достижением революции. Том сочинения К. Маколей, посвященный «славной революции», вышел в 1778 г. К этому времени идеология Американской революции уже сложилась. Достаточно будет указать, что к событиям 1688 г. К. Маколей относилась критически, считая, что парламент упустил возможность создать истинно свободную конституцию [Macaulay 1778: vol. 1: 5].

В Америке юмовское противопоставление Английской революции середины XVII в. (Великого мятежа) и Славной революции (мирной и конституционной) взяли на вооружение тори. Поскольку английская парламентская монархия сложилась в результате событий 1688–1689 гг., лоялисты просто вынуждены были оправдывать и восхвалять эти события. Например, нью-йоркский тори С. Сибири пытается развести Славную революцию с начинающейся революцией в Америке. Первая была необходимым эпизодом английской истории, вторая является чередой бессмысленных насилий, вызванных эгоизмом спекулянтов или интригами республиканцев. И даже Славную революцию он не может оправдать до конца: «как бы ни была необходима эта революция для обеспечения прав и свобод английской нации, я убежден, что ни один человек, по-настоящему любящий свою страну, не пожелал бы вновь увидеть ее раздираемой столь жестокими конвульсиями». Те, кто ссылается на нее в оправдание сопротивления угнетению, «слишком любят революции, чтобы быть добрыми подданными какого-либо правительства». Сибири признает, что борьба за свободу может быть необходима, но она должна вестись «с должной покорностью правительству» и не может оправдать ни сопротивления распоряжениям последнего, ни нарушения хотя бы одного закона. Бостонцы, например, могли бы просто отказаться пить чай, вместо того, чтобы уничтожать его [Seabury 93–94].

Американские виги, в свою очередь, чаще вспоминали героев «Великого мятежа». Революция середины XVII в. обрела в вигских текстах положительные коннотации. Сама английская революция безусловно воспринималась как борьба за свободу, тем более что существовала уже собственно американская антироялистская трактовка. В сотую годовщину казни Карла I (т.е. 30 января 1750 г.⁶) бостонский священник Дж. Мэйхью произнес проповедь о «неограниченном повиновении и непротивлении верховным властям». В своей речи Мэйхью доказывал, что Английская революция была полностью оправданной, а Карл I никак не может считаться святым мучеником. Проповедник риторически спрашивал: «Король Карл был человеком, запятнанным преступлениями и бесчестьем... Он жил, как тиран, и именно угнетение и насилия его правления привели его в конце концов к насильственной смерти. Какая же в этом святость, какое мученичество?.. Какая святость в том, чтобы уничтожить прекрасную гражданскую конституцию и настойчиво стремиться к незаконной и чудовищной власти? Какая святость в том, чтобы погубить тысячи невинных людей и ввергнуть нацию в бедствия гражданской войны? И какое мученичество в том, что человек сам на себя навлекает преждевременную и насильственную смерть своей безмерной преступностью?» [Mayhew: 49–50]. Мэйхью подходил близко к радикальным трактовкам К. Маколей. Американские виги 1760-х – 1770-х гг. восприняли ту же оценку событий середины XVII в. Но были в их восприятии Английской революции и своеобразные черты.

⁶ Дата годовщины была вычислена неверно, видимо, из-за расхождений между юлианским и григорианским календарями. До 1752 г. Великобритания жила по юлианскому календарю, причем год начинался с 25 марта. Однако переход на новый стиль уже готовился, когда Мэйхью читал свою проповедь.

Современные историки обычно сосредоточивают внимание на достижениях Английской революции, уничтожившей феодальный пережитки и королевский абсолютизм. Американцы же рассматривали Английскую революцию однозначно – как потерпевшую полное поражение. В этом была своя логика. Политики XVIII в. рассматривали главным образом политическую сторону революционного процесса. Нестабильность английской республики была для них свидетельством провала.

Их трактовки – определенно антироялистские, торийские оценки Юма они полностью отвергают. Карл I упоминается в знаменитой реплике Патрика Генри в числе тиранов, поплатившихся за свой деспотизм. Дж. Адамс писал о том, что в Новой Англии «не вовсе утрачен дух британцев времен республики» [Letters: vol. 1: 310], явно имея в виду установить преемственность между Английской и Американской революциями. Огромной популярностью пользовались лидеры пресвитерианского крыла революционеров: Дж. Гэмпден, Дж. Пим. Мерси Уоррен в одной из своих пьес превозносила революционную традицию Великобритании, «породившую своих гэмпденов, фэрфаксов и пимов» [Warren 1995: 40]. Имена Пима и особенно Гэмпдена часто использовались в качестве авторских псевдонимов в американской прессе. Возможно, выбор именно Пима и Гэмпдена (а не, допустим, графа Эссекса или графа Манчестера) был обусловлен тем, что оба они умерли в 1643 г. и не дожили ни до суда над королем, ни до установления республики. Монархизм пресвитериан, их религиозная нетерпимость не сочетались с образом идеального революционера в эпоху Просвещения. Пим был сторонником парламентской монархии, именно того режима, против которого и боролись американские виги, но воспринимался как борец за абстрактную «свободу», практически республиканец. Из биографии Гэмпдена вычленялись героические эпизоды, связанные с его отказом платить «корабельный налог» и с его героической гибелью на поле боя⁷. Большое значение имела его оппозиция Карлу I в начале революции, борьба за свободу слова и права парламента. То, что Гэмпден не был республиканцем, игнорировалось. Зато республиканизм индипендентов вовсе не фигурировал в американских текстах; вопрос о характере Английской республики (а она была индипендентской) не ставился. Как обычно и бывает в мифологии, сложный реальный образ упрощался, терял многозначность. Американские виги брали из биографий английских «круглоголовых» лишь то, что отвечало их собственным представлениям, превращали их в своем воображении в негибимых борцов с деспотизмом.

Характерно противопоставление позитивно окрашенного образа Английской республики (и шире – Гражданской войны) и негативного образа протектората. В протекторате американские виги видели не переходную форму от республики к монархии, а монархию в чистом виде. Дж. Куинси весьма характерным образом сравнивал Гражданские войны и протекторат: «Англичане, которые с божественным энтузиазмом поднялись против Карла I, постыдно покорились узурпации Кромвеля» [Memoir: 453]. Период протектората, сам титул «лорда-протектора» порождали у американцев лишь негативные ассоциации. Зато сам Оливер Кромвель оказывался фигурой неоднозначной. А. Гамильтон упоминает Кромвеля наряду с Цезарем как узурпатора, уничтожившего свободу своей страны [Гамильтон: 148]. Массачусетский судья Тэтчер на ратификационном конвенте своего штата в 1788 г. рисовал устрашающую картину: Цезаря или Кромвеля, «попирающего ногами наши свободы» [The Debates: vol. 2: 146]. Мерси Уоррен противопоставляла «добродетельного Гэмпдена» «лицемерному и деспотичному Кромвелю» и рассматривала протекторат как шаг к реставрации Карла II [Warren 1805: vol. 3: 399].

⁷ Например, в упомянутой пьесе Мерси Уоррен [Warren 1995: 46].

Подобные примеры можно было бы умножить. Но в то же время Кромвель не считался (в отличие от Юлия Цезаря или Суллы) просто честолюбцем, опьяненным жаждой власти. Дж. Адамс рассуждал о нем так: «Что нам сказать об Оливере Кромвеле?.. Я без колебаний признаюсь, что считаю Оливера полностью лишенным республиканских принципов гражданской добродетели. [Но] сам он полагал себя честным и искренним... Никогда еще не было человека, столь склонного к самообману, как Оливер Кромвель» [Letters: vol. 2: 664]. Здесь лорд-протектор предстает фигурой довольно сложной.

Есть и свидетельства вполне позитивного восприятия Кромвеля в просвещенческой Америке. Например, в Бостоне существовала популярная гостиница под названием «Голова Кромвеля». Над входом висела вывеска с изображением самого Кромвеля, причем так низко, что входящие вынуждены были кланяться лорду-протектору, чтобы войти в гостиницу. Владелец гостиницы состоял в числе «Сынов свободы». Псевдоним «Кромвель» в 1770-х гг. несколько раз появлялся в новоанглийских газетах. Например, в 1773 г., во времена Чайного акта, «Кромвель» на страницах «Boston Gazette» призывал американцев отстаивать свои права. Один из первых приватирских кораблей Массачусетса носил имя Кромвеля; здесь имя лорда-протектора соседствовало с «саксонским мифом»: первый боевой корабль Континентального конгресса назывался «Альфред Великий» [Images: 208–209].

Итак, пресвитериане и индепенденты получали у американцев своеобразную и неожиданную трактовку. Более умеренные пресвитериане парадоксальным образом считались твердыми республиканцами. Индепенденты и их вождь Оливер Кромвель, напротив, воспринимались прежде всего как лицемерные губители свободы.

Более радикальные партии Английской революции, как ни странно, вообще выпали из американского революционного дискурса. В американских текстах второй половины XVIII в. не удалось обнаружить ни одного (!) упоминания о Лильберне или, скажем, о Дж. Уинстенли. Диггеры оставались попросту «белым пятном». Остается сделать вывод, что об этом движении американцы попросту ничего не знали. Ситуация с левеллерами сложнее. Как уже говорилось, популярная в Америке К. Маколей высоко оценивала «Народное соглашение» и левеллеров вообще. Но американцы не соглашались с английской республиканкой. Сам термин «левеллеры» был им прекрасно известен и применялся к эгалитаристским движениям – причем в негативном ключе. Так, нью-йоркские «Сыны свободы» называли левеллерами бунтующих фермеров, желая высмеять их [Фонер: т. 1: 96–97]. В то же время легко заметить, что «Народное соглашение» и американская революционная идеология имели между собой немало общего. Республиканизм левеллеров, их борьба за политическую свободу, требование расширения избирательного права откликаются эхом в американских конституциях революционного периода. Популярный в просвещенческой Америке лозунг: «Ежегодные выборы – единственная защита от тирании» [Madison: 106], – определенно восходит к Лильберну и его критике Долгого парламента. Но о связи популярного лозунга с левеллерами американцы, похоже, ничего не знали. Заимствовать представление о необходимости одногодичных парламентов американцы могли не столько у самих левеллеров, сколько через посредство английских радикалов XVIII в. Так, в 1771 г. вышел трактат О. Хьюма, посвященный именно этой проблематике. Хьюм утверждал: «Где прекращаются ежегодные выборы, там начинается рабство» [Семенов: 172–173].

Ключевой текст Славной революции – Билль о правах 1689 г. – оказал большое влияние на американский конституционализм (см. выше). Но сама Славная революция не вдохновляла американских вигов. Из исторических деятелей, так или иначе связанных с этим периодом английской истории, американцы выделяли лишь

Алджернона Сиднея. Сидней в период правления Якова II оказался замешан в подготовке восстания Монмута и был за это казнен в 1683 г. Историк А. Хьюстон приходит к выводу, что американские колонисты читали Сиднея очень внимательно. Труды Сиднея имели столь же большое значение, как и его мученическая смерть [Houston: 224]. Франклин напоминал англичанам в 1765 г., что если сопротивление Гербовому сбору было ошибкой, то «ваши самые знаменитые [теоретики конституции], ваши Селдены, ваши Локки и ваши Сидней вовлекли их в эту ошибку» [Franklin: vol. 12: 413]. В песне 1773 г., посвященной Бостонскому чаепитию, над С. Адамсом и его соратниками витали «сияющие ангелы»: сама Свобода, а рядом с ней Гэмпден и Сидней. Сидней, таким образом, продолжал ряд идеальных героев-революционеров, начинавшийся с Брута и Кассия [Principles: 159].

В американских политических текстах совершенно не фигурируют диггеры. Левеллеры упоминаются только в негативном ключе. О Кромвеле американцы помнили главным образом то, что он уничтожил республику и стал лордом-протектором, но наряду с этим встречался и позитивный образ революционного генерала, победителя роялистов. Символами борьбы за свободу были Гэмпден и Сидней. Образ Кромвеля оставался амбивалентным.

В целом, можно сделать вывод о том, что восприятие ключевых событий английской истории в Америке было избирательным и мифологизированным. Исторические мифы о событиях, начиная с англосаксонского периода и заканчивая революциями XVII в., выстраивались в целостную и непротиворечивую, хотя и далекую от исторических реалий картину. Так же, как американцы вчитывали нужное им содержание в Великую хартию вольностей, они рисовали нужные им образы Гэмпдена, Пима, Кромвеля и других лидеров Английской революции середины XVII в.

Библиографический список

Алентьева Т.В. Феномен американской цивилизации в конце XVIII – первой половине XIX веков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2 (4). [Электронный ресурс] URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/sa17.pdf> (дата обращения: 27.01.2017).

Американские просветители. Избранные произведения: 2 т. М., 1968–1969.

Астафьев И.М. Великая хартия 1215 г.: английский миф? // Вестник ТГУ. 2009. №11.

Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998.

Вольтер. Философские сочинения. М., 1988.

Гамильтон А., Мэдисон Дж., Джейс Дж. Федералист. М., 1994.

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960.

Дьяков А.В. Гельвеций между Локком и революцией: онтология реформизма // Ученые записки КГУ. 2014. Вып. 3(31). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/036-011.pdf> (дата обращения: 27.01.2017).

Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993.

Пейн Т. Избранные сочинения / под ред. М.П. Баскина. М., 1959.

Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей. М., 1918.

Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937.

Семенов С.Б. Концепция «Древней конституции» в английской политической литературе второй половины XVIII века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 172–177.

Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993.

Тексты важнейших основных законов иностранных государств. М., 1905. Ч. 1.

Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX века: 4 т. М., 1949–1969.

Юм Д. Англия под властью дома Стюартов: 2 т. СПб., 2001–2002.

Adams J. Papers. Ser.3: 12 vols. / ed. by R.J. Taylor. Cambridge, Mass., 1977–2004.

Adams J. The Works: 10 vols. / ed. by Ch.F. Adams. Boston, 1850–1856.

«Clarendon», Boston Gazette. Jan. 20, 1766.

Coke E. Selected Writings: 3 vols. / ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003.

Forbes D. Hume's Philosophical Politics. L., 1975.

Franklin B. The Papers: 41 vols. / ed. by L.W. Labaree, E.R. Cohn e.a. – New Haven: Yale University Press, 1959–2014.

Houston A.C. Algernon Sidney and the Republican Heritage in England and America. Princeton, 2014.

Howard A.E.D. The Road from Runnymede. Magna Carta and Constitutionalism in America. Charlottesville, 1968.

Images of Oliver Cromwell: Essays for and by Roger Howell / ed. R.C. Richardson. Manchester – New York, 1993.

Journals of the Continental Congress. 1774–1789: 34 vols. / ed. by W.Ch. Ford. – Washington, D.C., 1904–1937.

Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. by P.H. Smith. Washington, D.C., 1976–2000.

Macaulay C. The History of England from the Accession of James I. to that of the Brunswick Line: 8 vols. L., 1763–1783.

Macaulay C. The History of England from the Revolution to the Present Time. L., 1778. Vol. 1.

Madison J. Notes of Debates in the Federal Convention of 1787. Athens, Ohio, 1966.

Magna Carta Commemoration Essays / ed. by H.E. Malden. L., 1917.

Mayhew J. A Discourse concerning Unlimited Submission and Non-Resistance to the Higher Powers: With some Reflections on the Resistance made to King Charles I. Boston, 1750.

McDonald F., McDonald E. The Ethnic Origins of the American People, 1790 // William and Mary Quarterly. Vol. 37 (Apr. 1980). P. 179–199.

Memoir of the life of Josiah Quincy, jun., of Massachusetts. Boston, 1825.

Meyer P.H. Voltaire and Hume as Historians: A Comparative Study of the *Essai sur les mœurs* and the *History of England* // PMLA. Vol. 73. No. 1 (Mar. 1958).

Okie L. Ideology and Partiality in David Hume's *History of England* // Hume Studies (Hume Society). Vol. 11. No. 1 (1985). P. 1–32.

Otis J. The Rights of British Colonies Asserted and Proved. L., s.d.

Principles and Acts of the Revolution in America: Or, an Attempt to Collect and Preserve Some of the Speeches, Orations & Proceedings, with Sketches and Remarks on Men and Things, and Other Fugitive Or Neglected Pieces, Belonging to the Revolutionary Period in the United States / comp. by H. Niles. Baltimore, 1822.

Seabury S. Letters of a Westchester Farmer. 1774–1775. N.Y., 1970.

The Debates in the Several State Conventions on the Adoption of the Federal Constitution: 4 vols. / ed. by J. Elliot. Washington (D.C.), 1836.

Warren M. History of the rise, progress, and termination of the American Revolution: 3 vols. Boston, 1805.

Warren M. The Group // Plays by Early American Women: 1775–1850 / ed. by A. Howe Kritzer. Ann Arbor, 1995.

We the People: A Compilation of Historical Documents, Proclamations and Speeches of the United States of America. Vol. 2: Birth of a Nation / ed. by J.F. Gauss. Owatonna, Mn., 2005.